

Лейкин Николай Александрович

В люди вышел

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
В люди вышел / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 364 с.

ISBN 978-5-519-92980-6

ISBN 978-5-519-92980-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„Господи, спаси й помилуй!.. Ну, авось, и благополучно... Но, вѣдь, можетъ и не пріѣхать. Мало ли что на пути... хотя и прислала денешу изъ Бологова“, пронеслось въ головѣ Зварова. „Спаси Богъ всякаго... Доберется благополучно—свѣчку Николѣ поставлю. Эхъ, надо бы было самому за ней съѣздить! Да вотъ, дѣла-то“, досадливо прибавилъ онъ.

Вотъ показался и поѣздъ вдали. Зваровъ тайкомъ перекрестился. Ближе, ближе и поѣздъ тихимъ ходомъ вошелъ подъ стеклянную крышу. Носильщики бросились къ вагонамъ. Зваровъ сталъ искать вагоновъ третьяго класса, нашелъ ихъ и побѣждалъ отъ одного къ другому, смотря въ окна.

Въ одно изъ оконъ постучали. Зваровъ остановился. У окна стояла жена и улыбалась. Зваровъ просіялъ и замахалъ руками, указывая на выходъ изъ вагона.

„Слава Богу, пріѣхала! Умудрилась... И то сказать: ярославка... Наша губернія хитрая, смышленная... У насъ и дура-баба не пропадетъ“... мелькнуло у Зварова въ головѣ, и онъ бросился въ вагонъ на встрѣчу женѣ.

Жена снимала съ сѣтокъ узлы, подушки, корзинки. Зваровъ подскочилъ къ ней и поцѣловалъ ее. Она уцѣпила его за шею и три-четыре раза чмокнула его въ щеку. На глазахъ ея блеснули слезы.

— Ну, что? Благополучно ли?.. спросилъ онъ.

— Все слава Богу. А только съ дѣтьми смучилась. Съ одного: то пить, то ѣсть... отвѣчала она.—А у меня на полдорогѣ молоко скислось.

Двѣ кринки съ собой взяла въ кувшинѣ, и ски-
слось... Въ творогѣ... А ужъ пуще старинекій,
Павлушка... Мы, почитай, на каждой станціи чай
заваривали, такъ не пьетъ чай-то, а ему, кажись
бы, и грѣхъ молоко-то въ посту... Вѣдь постъ
Великій...

На скамейкѣ, на разостланной бѣличьей шубкѣ
матери, сидѣли: Павлуша—мальчикъ лѣтъ четы-
рехъ, въ розовой ситцевой рубашкѣ и разстегну-
той жилеткѣ, и дѣвочка Дуня, лѣтъ двухъ, въ
заячьемъ шугайчикѣ, съ головою окутанной въ
байковый платокъ. Зваровъ наскоро поцѣловалъ и
ихъ, сказавъ:

— Здравствуйте, шаршавые... Ну, что жъ, надо
выходить, обратился онъ къ женѣ и прибавилъ:—
Не до ночи же здѣсь... Одѣвай Павлушку-то. Что
у него, тулупчикъ?..

— Да вотъ, прежде бы узелъ-то... указала жена
на громадный узелъ на полкѣ.

— Это все артельщикъ сдѣлаетъ, а ты ребятъ
собирай. Эй, почтенный!..

Зваровъ крикнулъ носильщика съ бляхой и
приказалъ ему выносить багажъ, а самъ принялся
одѣвать сына и бормоталъ женѣ въ упрекъ:

— Эхъ, ты!.. Надо бы заранѣе подготовиться,
пока подѣзжали къ мѣсту. Сколько мѣсть-то,
покажи?

— Да вотъ, все наше... Все тутъ...

— Не сосчитала? Ну, хозяйка! А я тебя въ кас-
сирши въ лавку прочу... Разъ, два, три, четыре...
Семь мѣсть... сказалъ Зваровъ носильщику. —
Придется на двухъ извозчикахъ...

Дѣти были одѣты. Онъ взялъ на руки мальчика, а жена—дѣвочку, и оба стали выходить изъ вагона.

— Есть у тебя квитанція? Сдано у тебя что-нибудь въ багажъ? спрашивалъ онъ жену, выйдя изъ вагона.

Та не понимала, не зная словъ „квитанція“ и „багажъ“.

— Имѣется у тебя еще какое-нибудь добро съ собой? Такъ давай росписку, повторилъ онъ ясное.

— Есть, есть... Вотъ писулька... отвѣчала жена и полѣзла въ карманъ; но ребенокъ мѣшалъ ей.

— Давай сюда ребенка-то, а то, храни Богъ, уронишь. А росписку передадимъ артельщику.

Онъ поставилъ на ноги мальчика и взялъ дѣвочку. Жена передала ему квитанцію.

— Многому тебѣ здѣсь придется обучаться, Луша, многому... Ты совсѣмъ настоящихъ словъ не знаешь, сказалъ онъ ей.

На подъѣздѣ, когда они стояли около своихъ пожитковъ и ждали побѣжавшаго въ багажный вагонъ за сундукомъ артельщика, швейцары различныхъ гостинницъ предлагали имъ помѣщенія, а приказчики съ извозчичьихъ дворовъ—кареты.

— Свои, свои... питерскіе... На квартиру къ себѣ пріѣхали... бормоталъ имъ въ отвѣтъ Зваровъ и отмахивался отъ приказчиковъ, сующихъ ему жестяные билеты, но вдругъ остановился.

„А что, не прокатить ли Лушу-то, на радостяхъ, въ каретѣ?“ мелькнуло у него въ головѣ. „Вѣдь карета-то немпогимъ дороже двухъ извозчиковъ

обойдется“—и онъ тотчасъ же сторговался съ приказчикомъ за полтора рубля.

Подъѣхала четырехмѣстная карета, приказчикъ распахнулъ дверцы. Лицо Зварова просіяло гордостью. Насколько онъ помнить, онъ и самъ во всю свою жизнь только два раза ѣздить въ каретѣ: на свадьбу къ кому-то, въ складчину, да съ кладбища, съ похоронъ своего бывшего хозяина мясника.

— Садись... важно сказалъ онъ женѣ. — Въ ландѣ поѣдемъ. Влѣзай, не бойся, а мы тебя полклажей заклинимъ.

Робко, и оглядываясь на мужа, полѣзла въ карету Лукерья Ивановна. Зваровъ передалъ ей туда ребятъ и сталъ укладывать узелъ, корзину и подушки. Артельщикъ принесъ сундукъ изъ багажного вагона. Сундукъ поставили на козлы къ извозчику. Зваровъ, вытащивъ громадный замшевый кошелекъ изъ кармана, какіе только и носятъ торговцы съѣстными припасами, рассчитался съ артельщикомъ, сѣлъ въ карету, и карета тронулась.

II.

Карета выѣхала со двора Николаевского вокзала, пересѣкла Знаменскую площадь и поѣхала по Невскому проспекту, но Лукерья Ивановна, никогда не бывавшая въ Петербургѣ, на первыхъ по-

рахъ совсѣмъ не интересовалась улицами и даже не смотрѣла въ окна, а съ замирающимъ сердца отъ восторга только осматривала внутренность кареты, пощупала руками ея обивку, тронула басонную кисть у окна, сидѣнье, побарабанила пальцами по стеклу, взглянула на потолокъ и стала разглядывать сквозь переднія стекла нижнюю часть складокъ наваченной спины сидѣвшаго на козлахъ кучера. Все это ей было въ диво.

— Невскій проспектъ... началъ было рассказывать женѣ Зваровъ, но тутъ же спохватился и спросилъ:—А что, какъ здоровье маменьки?

— Здорова... Что ей дѣлается! Письмо къ вамъ отъ нея у меня... неохотно отвѣчала жена, слезливо заморгала глазами и прибавила:—Заѣла она меня совсѣмъ... Ахъ, Евтихій Павлычъ, я уже такъ рада, что вы меня выписали и отъ нея избавили, такъ рада, что и сказать не могу... Вѣчная раба вамъ, голубчику, за это буду. Въ какую хотите меня работу пустите—на все пойду. А она... словно я ей врагъ лютый... Какъ ржа желѣзо точила.

— Ну, ну, ну... остановилъ ее Зваровъ и сдѣлалъ солидное лицо.—Брось ты это. Вѣдь это наука, а безъ науки молодой женщинѣ нельзя... Если она подчасъ и точила тебя, то за дѣло точила. Вѣдь она мать, свекровь тебѣ, хозяйка дома, стало быть, ты должна была и покоряться.

— Я и покорялась, Евтихій Павлычъ, да вѣдь подчасъ было не втерпеть... А ужъ пущѣ всего она на меня набрасывалась, когда вы письмо съ деньгами на дорогу прислали, чтобы ѣхать мнѣ въ Петербургъ. Съ зависти, что ли... Она начнеть,

старшая повѣстка пристанетъ — и давай вдвоемъ жрать...

— Оставь... Довольно... Мало ли что въ семействѣ старшіе! Къ старшимъ всегда должно быть почтеніе отъ младшихъ... Дѣти къ родителямъ... племянники къ дядямъ... приказчики къ хозяевамъ, наставительно продолжалъ Зваровъ. — Вотъ, оттого-то у насъ все и бунты повсюду, что ни у кого почтенія нѣтъ къ старшимъ. „Не хочу слушаться хозяина... не хочу предпочитать старшаго приказчика или мастера!“

Лукерья Ивановна слушала, и слезы ея усилились. Она достала носовой платокъ и стала утирать ихъ. Зваровъ перемѣнилъ тонъ и сдѣлался ласковѣе.

— Чего ты слезы-то распустила, глупая... ска-залъ онъ, обнявъ жену за талію и кладя ей на плечо голову. — Или глаза на мокромъ мѣстѣ? Да должно быть, что такъ... Свекровь, говоришь, поѣдомъ ѣла, а никакой видимости отъ этого не осталось. Вотъ какая ты у меня гладкая, кормлен-ная! Бѣлолица, круглолица и глаза съ поволокой. Настоящая ярославка, любимской породы!

Онъ поцѣловалъ ее въ щеку и, держа за талію, принялся раскачивать.

— Корму-то у насъ много, вы намъ на поряд-кахъ денегъ присылали, а вотъ...

— А остальное — молчи! Вѣдь ужъ теперь ау. Теперь — сама хозяйка будешь, перебилъ ее мужъ. — У самой у тебя подъ началомъ три приказчика и два мальчишки будутъ, а открою вторую мясную лавку, такъ и десять человѣкъ. И всѣ передъ то-

бой преклоняться будутъ и должны предпочитать тебя. Вотъ и жри ихъ, вымещай за маменьку. Только, Лукерья Ивановна, напередъ я тебя прошу: построже съ ними! Воли не давать, потому нынче народъ—ой-ой какой! Народъ, прямо надо сказать, неуважительный. А такъ какъ мы теперь въ люди вышли...

— Не сумѣю я этого, Евтихій Павлычъ... проронила жена.

— Научись... Учись... привыкать должна.. Такъ какъ за мое стараніе и трезвость Богъ меня благословилъ, что я на ноги сталъ—и ты обязана... Я грошъ къ грошу приколачивалъ, не зѣвалъ, и когда случай подошелъ, изъ приказчиковъ въ хозяева вышелъ—и ты подъ меня потрафляй. Поняла? Ну, а теперь, когда поняла, то и давай жить-поживать, да добра наживать. Трезвый яро-славецъ, себя соблюдающій, не пропадетъ! хвастливо и съ достоинствомъ сказалъ Зваровъ, хлопнувъ себя ладонью по груди.

Лукерья Ивановна любовно смотрѣла на мужа и молчала. Это была недурненькая, круглолицая женщина лѣтъ двадцати пяти, съ черными глазами, съ длинными рѣсницами, русая, съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, полненькая, не высокая ростомъ, но статная. Ее только нѣсколько портилъ костюмъ: безвкуснаго рисунка красный байковый платокъ съ зелеными и желтыми клѣтками, которымъ была окутана голова, и неуклюже сшитое въ деревнѣ суконное пальто съ куньимъ воротникомъ и такими же обшлагами. Платокъ былъ надѣтъ совсѣмъ не кокетливо: свѣсился на лобъ, свѣхалъ на бокъ

и выставилъ съ одной стороны большую прядь волосъ.

Зваровъ дернулъ жену за платокъ на лбу и ласково произнесъ:

— Ахъ, ты, кувалда! Вотъ, погоди, мы тебя въ шляпку потомъ одѣнемъ. Любо въ каретѣ-то ѣхать? спросилъ онъ.—Никогда вѣдь не ѣздила.

— Гдѣ же ѣздить-то? Даже и не видывала ея. Слышать слыжала и читала, что князья и графини ѣздятъ, пробормотала она.

— Нынче насчетъ князевъ и графинь ужъ аминь, чтобъ они одни въ каретахъ ѣздили. Многіе изъ нихъ кверху тормашками полетѣли. Да и генеральство-то верхнимъ концомъ да внизъ насчетъ каретъ. Да... Купецъ пошелъ... Торговый человекъ въ гору пошелъ. Чиновничество и военщина тоже вообще при пиковомъ интересѣ. Купецъ... Вотъ если по нашей по мясной части взять... Кому пудовой окорокъ ветчины продать можно? Купцу. Лучшая нога телятины... фрикандотъ, ежели, что по-нашему называется? Для купца. Купецъ и живого осетра съѣстъ, и стерлядь двинскую живую. Да развѣ еще инженеръ... А генеральство—ни-ни... Впрочемъ, что жъ ты, Луша, на улицу-то не смотришь? Уткнулась въ меня, и хоть бы что... А вѣдь въ первый разъ въ Петербургъ вѣехала! напомнилъ женѣ Зваровъ.—Ахъ, ты, кувалда!

Лукерья Ивановна, все время внимательно слушавшая супруга, перенесла взоры въ окна кареты и стала смотрѣть на улицу.

— Господи, дома-то какіе! ужасы! вырвался у нея восторженный шопоть съ придыханіемъ.

— Да, братъ... Дома обширнаго производства. Ты знаешь, въ каждомъ такомъ домѣ по десяти нашихъ ярославскихъ деревень сидить... Вотъ какое мѣстоположеніе... отвѣчалъ мужъ, прищелкнувъ языкомъ.

— Страсть Божія!.. вздыхала супруга.

— Да что я—десять деревень! Въ такомъ домѣ, къ примѣру, тысячи двѣ публичнаго народонаселенія, указалъ Зваровъ на домъ на углу Невскаго и Владимірскаго проспекта.

— Господи!.. Но простого народа, я думаю, нѣтъ? Все господа?

— Всякая нація есть. Отъ мужика до генерала. А во второмъ этажѣ, на двѣ улицы знаменитый Палкинъ трактиръ.

— Слышала я про Палкинъ трактиръ. Тамъ нашъ дяденька Каллистратъ Иванычъ служитъ прислужающимъ.

— Ну, вотъ... Онъ самый... Шестерокъ тамъ прислужающихъ человѣкъ сто... Но нашихъ въ такихъ трактирахъ мало. Все больше татарва касимовская. Наши больше по мелкимъ трактирамъ служатъ... Смотри, смотри, черезъ какой мостъ переѣзжаемъ! Коні-то какіе на углахъ стоятъ.

Они вѣзжали на Аничковъ мостъ.

— Батюшки! Для чего же это? спросила жена.

— Для видимости и для украшенія. Изъ мѣди отлиты... Тутъ мѣди-то пудовъ...

Зваровъ махнулъ рукой.

— А народу-то что, народу! дивилась жена.— Да что сегодня, праздникъ у васъ здѣсь, что ли?

— Ну, вотъ, чего ты!.. Самый обыкновенный будничныи день. А по праздникамъ тутъ на тротуарахъ стѣнной толпа, ступа непротолченна... Все дѣловой народъ... Кто за дѣломъ, кто отъ дѣла... Кто на работу.

— Поди жъ ты, а мы въ деревнѣ читали... да и сказывали намъ пріѣзжіе, что у васъ тутъ почитай всѣ бросили работу, никто ничѣмъ не занимается и безъ дѣловъ сидятъ.

— То фабричныя. Брось. А торговый человѣкъ свою выгоду ведетъ и грошъ къ грошу приколачиваетъ. Нешто онъ можетъ быть безъ дѣла! отвѣчалъ Зваровъ и сказалъ женѣ:— Утри ребятишкамъ носы-то. Здѣсь Петербургъ, а не деревня. Теперь соблюдать себя должна. Въ дамы пріѣхала выходить...

III.

Карета свернула въ Караванную улицу, направилась къ Лѣтнему саду, переѣхала черезъ Троицкій мостъ на Петербургскую сторону. Зваровъ обращалъ вниманіе жены на вагоны конно-железной дороги, на автомобили, пронесившіеся мимо ихъ. Лукерья Ивановна ѣхала и всему дивилась.